

Надутая Т. В.,

кандидат філологіческих наук, преподаватель
кафедры сравнительной филологии восточных и англоязычных стран
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА ЭМИ ТАН

Аннотация. В статье в русле имагологической проблематики выстраивается анализ произведений сино-американской писательницы Эми Тан. Особое внимание уделяется имагологическому потенциалу сино-американского дискурса и переменчивому соотношению между сино-американским «Своим» и китайским «Другим».

Ключевые слова: сино-американская литература, идентичность, Свой – Чужой/Иной, гибридность, транскультура.

Эми Тан (р. 1952, англ. Amy Tan, кит. 谭恩美) – автор шести романов, двух книг для детей, эссеист и сценарист, обладатель множества премий в области литературы – считается одним из самых выдающихся представителей американской литературы XX–XXI ст., однако ее литературные произведения до сих пор остаются недостаточно исследованными на постсоветском пространстве.

Бикультурный феномен творчества американской писательницы китайского происхождения, по мнению видного ученого Г. Блума, не вписывается ни в рамки «этнической литературы США», ни в сложившийся стереотип «гибридности». Творчество писательницы, которая родилась и получила образование в США, где живет и пишет о Китае и китайской культуре уже более полувека, представляет особый интерес в аспекте имагологии. Язык и культура Китая, также как и язык и культура Америки, являются личностной и творческой составляющей «феномена Эми Тан».

В данной работе творчество писателя изучается в аспекте имагологической проблематики, в центре которой – семантико-поэтические особенности художественной презентации образов Востока и Запада, Китая и Америки.

В литературоведческих и культурологических работах последних лет осмысление сино-американской литературы пока не стало предметом серьезных компаративных исследований. Литературоведы отмечают необходимость отхода от этноцентрических и эссенциалистских трактовок (Б. Эндерсон, Б. Адамс, Г. Блум, Д. Л. Мэдсен, Р. Чоу, Л. Л. Чен, Э. Лю, Ту Вейминг), подчеркивая, что механическое соединение черт американской и китайской культуры не способно объяснить природу новых транскультурных явлений в литературе США. Анализ сино-американского дискурса в творчестве Э. Тан позволяет обозначить новые перспективы в литературоведческом изучении имагологических проблем, связанных с художественной реконструкцией социально-культурных концептов и этнических стереотипов.

Литературная имагология, как и этноимагология, изучает образы стран и национальных характеров в рам-

ках дистинкции «Свой – Чужой». Но в отличие от других видов имагологических исследований это связано не с рациональной концептуализацией факта, включенного в систему политического, культурного, антропологического дискурса, а с исследованием художественной, творческой контекстуализации этих фактов культуры. Отсюда безусловная значимость изучения образа страны и народа как единицы художественности, а не как «правды» референта. Отмечая, что литература – это окно в мир, не фотография этого мира, Г. Блум предостерегает исследователей этнической литературы об опасности превращения литературоведения в дополнение к культурологическому знанию, подчеркивая, что такой подход игнорирует важность изучения художественно-эстетических особенностей произведения [2, 7].

Имагологический аспект национального самоопределения, из которого вытекает базовая дистинция «Я – Другой», осмыщен в историческом контексте в работе Дж. Лирсена «Поэтика и антропология национального характера (1500-2000)» [1, 63]. Однако, как свидетельствуют разработки ученых-компаративистов, имагологические категории не ограничиваются рамками такой дилеммы. Ж.-М. Мура выделял два типа категорий «Другой» («the Other»), которые он обозначил как «Чужой» («stranger») и «Иной» («foreigner») [5, 2]. М. Швидерска предпочитает термины «alter» и «alius», где alter («Другой») – это художественный образ, сконструированный на основе позитивных или негативных этнических или национальных стереотипов; «alius» («Иной») – располагается вне рамок определенной группы, нации или культуры иreprезентируется как художественный образ с символическими или метафорическими функциями [там же]. Так, строгая дистинция Свой – Чужой для бикультурного писателя утратила объяснительную силу, поэтому для изучения имагологической проблематики творчества Э. Тан мы, следуя логике размышлений Ж.-М. Мура и М. Швидерской, обратились к категориям «Иной» и «Иной, но тоже Свой».

Об утрате актуальности изучения современной литературы в условиях глобализации в категориях Свой – Чужой пишет и Х. Бхабха. Исследование сложного процесса художественной презентации имиджа Китая как Другого, но для сино-американского писателя тоже Своего, вписывание явлений одной культуры в контекст другой осмысливаются с позиций, которые Х. Бхабха обозначает как «the one-in-the-other» и «not quites». Ученый предлагает иной подход к анализу творчества писателей с корнями в другой культуре, когда бинарные концепции идентичности, разработанные постколониальными этноцентристскими теориями, не в состоянии объяснить сложность возникающих новых литературных феноменов.

Понятия Иной и Чужой в литературной имагологии не разработаны на художественном бикультурном материале. В контексте исследования романов Э. Тан мы предлагаем оставить категорию Чужого лишь для объяснения случаев анализа очевидной чужести восприятий первого поколения китайских матерей их рожденными в Америке дочерьми. Понятие «Иного» многое может объяснить в особенностях сино-американского дискурса. Так, матери и дочери в романе «Клуб радости и удачи» (*The Joy Luck Club*, 1989), будучи сино-американками, в случаях, когда не понимают друг друга, склонны выделять иную для себя часть идентичности в собеседнике: «Why do you Americans have only these morbid thoughts in your mind? – cried my mother in Chinese» [7, 103]. Обнаружение в себе китайской всегда воспринимается сино-американскими героинями романов Э. Тан скептически. Героиня Лина Сент-Клер с удивлением констатирует: «I began to see terrible things. I saw these things with my Chinese eyes, the part of me I got from my mother... And when I became older, I could see things that Caucasian girls at school did not» [7, 103-104].

«Клуб Радости и Удачи» – это не только семейная сага о жизни китайцев в американской среде, но и роман-коллизия взаимоотражений, знаний о мире китайских матерей и «американского знания» их дочерей. Это мир Востока и Запада во взаимном отражении. Имагологический анализ дает основание сделать вывод о том, что это произведение не о разнице между Своим и Чужим/Иным, а о мире, который герои уже не могут считать ни своим, ни чужим, так как он для них и то, и другое. Постепенное принятие Иного Своего, осознание его как частицы себя ведет в этом романе Эми Тан к разрешению множества вопросов, с которыми сталкиваются герои. В центр сино-американского дискурса возводится проблема сложности судьбы человека, наполненной попытками соединить и прожить разъединенность восточного и западного, черпая духовную силу и опыт из двух культур.

Проблематика «инаковости» китайской составляющей современной сино-американской литературы была отмечена исследовательницей Ю. Сизар в связи с анализом романа «Жена Кухонного бога» (*The Kitchen God's Wife*, 1991): «Тан доказала реальность китайского мира вне американского опыта ... Подняв вопрос о глубине американских знаний относительно Иного в их культуре, насколько «иным» является то, что ощущалось как далекое и Чужое, Эми Тан значительно расширила представления об американском литературном каноне» [3, 46]. Писатель создает личностный, лирический, драматичный образ Китая, который никак не соответствует определениям «орнаментальной китайщины» (Френк Чин), экзотичной привлекательности (Шен-Мэй Ма), и не сводим к противопоставлению восточного варварства и деспотизма американской цивилизованности (Белла Адамс), к новой обертке Ориентализма (*geracking Orientalism*, С.-С. Вонг) – все те концепции, которые на протяжении долгого времени определяли ведущие стратегии в исследовании сино-американского дискурса и его китайской составляющей как дистинктивно Чужого для литературы американского мейнстрима.

Национально-культурная самоидентификация героев романов Э. Тан происходит по отношению к китайскому, и к американскому миру. В основе такого художественного

синтеза элементов китайской и западной культуры находится раскрытие духовной ценности общечеловеческого. Семантико-поэзологический анализ романа «Сто тайных чувств» (*The Hundred Secret Senses*, 1995) позволяют заключить, что это роман о том, как воспринимаются и как репрезентуются не существующие друг без друга черты новой сино-американской идентичности человека, у которого есть главное право на свободу выбора. Эми Тан разработала усложненные формы презентации внешне простой проблемы «гибридности», как бы раскрывая теоретикам сложность и драматизм транскультурных процессов в самоопределении человека в мире.

В центре романа – проблематизация национально-культурной самоидентификации в образах двух сестер: сино-американки Оливии Лагуни и китаянки Кван Ли. На фоне своей инаковости для окружающей ее приемной семьи американская действительность является непонятной и таинственной для Кван. Для нее роль «Иного» (но не Чужого, благодаря узам родства и дружбы) выполняет Америка: «When I first arrived in the United States ... you told me rabbits laid eggs once a year and dead people came out of caves to look for them» [6, 242]. Так Кван и осталась в неведении о народном поверье о том, что пасхальные кролики приносят крашеные пасхальные яйца. Образ Кван – наиболее загадочный и мистический среди всех героев романов Э. Тан. Она одновременно «своя» и «чужая» для китайской и американской культур, для мира живых и мертвых. С точки зрения имагологии образ Кван интересен тем, что он не имеет установленного «Другого»: и «свое», и «чужое» в ней нестабильно и может меняться на диаметрально противоположное. С образом Кван связаны многие скрытые смыслы романа, «рассекретить» которые можно лишь при «пристальном чтении», сопоставляя с историей Оливии.

Динамика образа сино-американки Оливии, открывшей целостность своей природы в Китае, выстроена в романе от полного неприятия и отчуждения от китайского в себе к достижению собственного «я». Кван своими рассказами о Китае (здесь важны не столько «факты» истории о прошлой жизни и не мистическая экзотика «тайных чувств», а мировидение в целом, жизненные ориентиры) готовит будущую духовную трансформацию Оливии, вводя её в культуру своих корней еще в Америке. По прибытию в Китай Оливия не только начинает «вспоминать» себя в прошлой жизни, но открывает для себя «свой» Китай, ту «китайскость», которую в своей американской жизни стремилась подавить. Меняется её роль в имагологической оптике романа. Если раньше она была зрителем, который отбрасывал, разочаровывался, разоблачал один за другим варианты «китайской», осмыслиенные как «китайщина», то теперь она видит Китай изнутри, воспроизводит то, что было скрыто в ней самой и поэтому это подлинное. Эпифанически как мгновенное озарение в открытии своих корней приходит сущностно китайское: «And being here, I feel as if the membrane separating the two halves of my life has finally been shed» [6, 205]. Восстановлено кровообращение между китайским и американским в ее разделенном на две половинки сердце. Она – не гибрид сино-американской, придуманный теоретиками, а свободная личность, сама выбирающая к какой культуре принадлежать.

Проблема свободы выбора героям своей культурной идентичности разрабатывается и в романе Э. Тан «Долина изумлений» («The Valley of Amazement», 2013), пока не получившем откликов ни на родине писателя, ни за рубежом. В центре сюжета – история жизни девушки Вайолет Минтёрн, рожденной в Китае от матери-американки и отца-китайца. Для нее проблема «гибридности» – выдумка теоретиков, так как главным режиссером своей судьбы с ролью по своему собственному выбору, и в малом, и в большом, является она сама. Это юмористически раскрыто в сценах, когда она, руководствуясь жизненными ситуациями, в совершенстве владея китайским и английским языками, сама выбирает, какому имиджу соответствовать: китаянки – «... the Western half of me had disappeared... My true face was still there, what had always been there: the phoenix eyes... The same Chinese mask appeared», или американки – «I remade myself into Edward's legal wife... the new Mrs. Ivory spoke no Chinese in public..., and she joined the American Club» [8, 134; 288].

Имагологическая сложная система взаимоотражений гетеро- и автоимиджей, разнообразных, сложно взаимодействующих между собой «чужих», «иных» и «своих», художественно выстроенная в романе «Спасение тонущих рыб» («Saving Fish from Drowning», 2005), открывает новаторство Эми Тан в репрезентации транскультурной имагологической модели сино-американской. Богатая галерея образов участников экскурсии – своеобразный срез современного американского «высшего общества». По мере развертывания сюжета автор, используя технику постмодернистского пастиша, иронично описывает изменения в поведении героев, в основе которых – перестройка стереотипов, связанная со столкновением с иными культурами, укладом жизни и характерами, принять которые американским туристам оказывается непросто. Полифония «разных голосов» у Э. Тан превращается в полифонию образов воображаемого «Иного». Этот имагологический аспект в романе Э. Тан проявлен в способе изображения героев – персонажи изображены глазами других героев, через призму их убеждений и стремлений. В «Спасении тонущих рыб» не один образ «Другого», а целый ряд сложно переотраженных с точек зрения разных культурных традиций «Иных». Художественное пространство этого романа представляет лабиринт транскультурных имиджей, объединенных не этничностью, а сутью человеческого, вечными и для Востока и для Запада духовными ценностями. Не случайно, творчество писателя все чаще связывают с всемирной литературой.

В произведениях Эми Тан создается осложненный, с множеством новых транскультурных оттенков, имидж сино-американской идентичности. Транскультурное твор-

чество Эми Тан, как и многих современных азиато-американских писателей, которое не сводимо к диаде Свой – Чужой, представляет особый интерес для компаративного литературно-имагологического исследования, расширяя пространство этой науки. Известный компаративист-имаголог Х. Дизеринк подчеркнул, что будущее литературной имагологии связано с изучением таких «постнациональных моделей идентичности» [151].

Література:

1. Beller M., Leerssen J.T. Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: a Critical Survey / [ed. by Manfred Beller, Joseph Leerssen]. – Amsterdam-NY: Rodopi, 2007. – 476 p.
2. Bloom H. Asian-American writers / Harold Bloom. – NY: Bloom's Literary Criticism, 2009. – 219 p.
3. Caesar J. Patriarchy, Imperialism, and Knowledge in The Kitchen God's Wife/ Judith Caesar // Amy Tan [ed. by Harold Bloom]. – NY: Infobase Publishing, 2009. – P. 37–49.
4. Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity [Электронный ресурс] / H. Dyserinck // Intercultural Studies: Scholarly Review of the IAIS. – 2003. – №1. – Режим доступа к тексту: <http://www.intercultural/studies.org>.
5. Swiderska M. Comparativist Imagology and the Phenomenon of Strangeness [Электронный ресурс] / M. Świderska // Comparative Literature and Culture. – 2013. – Vol. 15 (7). – Режим доступа к тексту: <http://dx.doi.org/10.7771>
6. Tan A. The Hundred Secret Senses / Amy Tan. – NY: Penguin Books, 2010. – 358 p.
7. Tan A. The Joy Luck Club / Amy Tan. – NY: Penguin Books, 2006. – 288 p.
8. Tan A. The Valley of Amazement/ Amy Tan. – NY: HarperCollins Publishers, 2013. – 589 p.

Надута Т. В. Імагологічні особливості творчості Ем Тан

Анотація. У статті у руслі імагологічної проблематики вибудовується аналіз творів сіно-американської письменниці Емі Тан. Особлива увага приділяється імагологічному потенціалу сіно-американського дискурсу та нестійкому співвідношенню сіно-американського «Свого» із китайським «Чужим».

Ключові слова: сіно-американська література, ідентичність, Свій-Чужий/Інший, гібридність, транскультура.

Nadutaya T. Imagological peculiarities in Amy Tan's writings

Summary. The article deals with the analysis of imagological aspects in Amy Tan's writings. Special emphasis is laid on literary images specific to Chinese American discourse and on variable relations between Chinese American «Self» and Chinese «Other».

Key words: Chinese American literature, identity, the Self – the Other, hybridity, transculture.